

планы ихъ сосредоточены на томъ, чтобы больше убить другихъ («враговъ») и сохранить себя,—это вся цѣль такихъ людей, и безъ нее имъ нечего было бы идти воевать. (Какъ и въ любой дракѣ, каждый изъ дерущихся, рискуя быть побитымъ или даже убитымъ, «воюетъ» съ другимъ при помощи силы, во имя собственнаго «достоинства» или «выгодъ», и тоже жаждетъ «побѣды»).

Въ военномъ «подвижничествѣ» нѣтъ жертвы ради жертвы, а есть жертвы ради смертей другихъ, такихъ же людей, какъ и мы. Въ войнѣ, гдѣ идетъ борьба за кости, гдѣ изъ-за «шкурныхъ» націоналистическихъ инстинктовъ губятъ свои души, нѣтъ чистой жертвы, «жертвы собой», той жертвы, которую приносили всѣ истинные мученики за идеи, умиравшіе съ чистыми, *неокровавленными* руками.

Примѣромъ «чистой жертвы» можетъ послужить слѣдующій случай: на воздушный шаръ сѣло нѣсколько человѣкъ. Когда шаръ поднялся, обнаружилось, что грузъ слишкомъ великъ. Всѣмъ грозила катастрофа, паденіе и смерть. Сбросили съ корзины весь балластъ ради спасенія жизни, но ничего не помогало. Тогда одинъ изъ пассажировъ бросился внизъ и тѣмъ спасъ всѣхъ прочихъ.—Вотъ это есть чистая «жертва собой», это есть подвигъ, выше котораго не можетъ придумать человѣческій разумъ.

Чрезвычайно жалки слова тѣхъ «дипломатовъ» и «полководцевъ», которые одурманены сознаниемъ, своихъ «побѣдъ» на войнѣ, своихъ (якобы) «стратегическихъ» успѣховъ.

На войнѣ не бываетъ побѣдъ. Война не знаетъ «побѣдителей». На войнѣ бываютъ только *убитые и убійцы*. И единственная побѣдительница на поляхъ сраженій это *смерть*, которая съ дикимъ хохотомъ издѣвается надъ озлобленнымъ человѣчествомъ, обѣщая навѣрняка примирить въ своемъ небытіи всѣхъ тѣхъ, кто поссорился на землѣ.

Л. Толстой, разрѣшая всѣ эти проклятыя проблемы нашей жизни, дошелъ въ своемъ творческомъ пониманіи до конца. Это былъ умъ, не знавшій половины. Жизнь его—быть можетъ, слишкомъ сложная для того, чтобы не ошибаться,—подсказала ему его цѣльное идеалистическое міропониманіе, и его анархизмъ—это не призывъ къ вооруженному протесту противъ насилія. Это христіанскій отказъ отъ служенія всѣмъ идеямъ и органамъ насилія.

Дѣятельный путь Л. Толстого былъ цѣлой цѣпью мятущихся протестующихъ переживаній и личныхъ кризисовъ.

«Свѣтить можно только сгорая», сказалъ Петефи. И Л. Толстой дѣйствительно сгоралъ, освѣщая своимъ ученіемъ и своей критической мыслью темные углы нашей жизни. И больнѣе, тревожнѣе всего Л. Толстой переживалъ уродливыя явленія нашей общественно-политической жизни. Онъ «не могъ молчать», видя, какъ люди (эти «добровольные рабы») отдають кесарю кесарево, а все божіе губятъ въ себѣ. Христосъ вѣрно сказалъ, что кесарю надо отдать кесарево, а Богу—божіе. Но вѣдь божіе—это все. Слѣдовательно, все надо отдать Богу, и «кесарю» поэтому ничего.

Мы сейчасъ переживаемъ съ вами грандіозную эпоху крушеній и созиданій всевозможныхъ политическихъ формъ и настроеній. Мы съ вами находимся въ состояніи какого то политическаго *психоза*. Намъ трудно оторваться отъ безчисленныхъ газетныхъ (нынѣ уже ставшихъ трафарет-